

Сергей ЯШИН: «Зритель сегодня ходит... на обезьян»

СОБЕСЕДНИК

В академическом театре драмы имени Волкова народный артист России режиссёр Сергей Яшин приступил к репетициям нового спектакля-комедии по пьесе английского драматурга Брендона Томаса «Тётка Чарлея». Его премьерой в конце июня театр планирует завершить текущий театральный сезон.

Сергей Яшин в режиссёрском мире – фигура особая. Он не претендует на модную продвинутость, ни с кем не вступает в творческое соревнование, ничего не декларирует и нигде не митингует. Просто ставит спектакли, то есть занимается своим прямым делом, как выпускник ГИТИСа, ученик знаменитого мастера Андрея Гончарова. Имеет уважение к драматургическому слову, классическим сюжетам и традиционно-актёрской «подаче» спектакля. Ему удалось создать свой собственный режиссёрский почерк, стиль, а это по нынешним временам – редкость. Несмотря на свою «немодность», Сергей Иванович Яшин всегда был востребован весьма престижными театрами – ставил в Питерском БДТ, в «Современнике», у вахтанговцев, в Театре имени Маяковского. Теперь вот и у нас, в Ярославле, взялся за постановку «Тётки Чарлея».

О новом спектакле в частности и о жизни вообще мы и разговорились с Сергеем Ивановичем после одной из репетиций.

— Мне кажется, нужно быть бесконечно смелым художником, чтобы взяться за постановку пьесы, чья киноверсия – фильм «Здравствуйте, я ваша тётя!» – до последней реплики заучена наизусть миллионами зрителей.

— Смелости тут нет никакой, потому что фильм существенно отличается от оригинала – пьесы, написанной в начале XX века, и категорически не совпадает в трактовке главного персонажа, которого в кино играет Александр Калягин. Лично мне как зрителю этого персонажа всегда было жалко: больной, страдающий одышкой молодой человек, оказавшийся в безвыходной ситуации, выкручивается из последних сил, чтобы спастись от полиции. В центре же истории, которую написал Брендон Томас, – три студента Оксфордского университета, один из которых волею обстоятельств, желая помочь друзьям, и становится вымышленной тёткой другого. Герои пьесы охвачены пожаром любви, и нет ничего прекраснее этого чувства. Мне кажется, разговор о любви всегда актуален.

— С театром имени Волкова много связано в вашей жизни...

— Много – не то слово. Начать нужно с того, что в далёких '60-х годах я учился в Ярославском театральном училище...

— Почему, кстати, вы остановили свой выбор именно на этом учебном заведении?

— Очень просто. Это было единственное училище в Советском Союзе, куда принимали после восьмого класса, а мне так хотелось «в артисты», что сил заканчивать десятилетку у меня просто не было. И вот я приехал сюда четырнадцатилетним подростком с Дальнего Востока, с трудом поступил и... сразу получив предложение сыграть главную роль в пьесе Розова «Перед ужином», которая шла на сцене Волковского театра. Мы были ровесниками с персонажем – этим, очевидно, и был обусловлен режиссёрский выбор, который пал на меня. Играл с Владимиром Солоповым, Николаем Кузьминым, Татьяной Поздняковой. Позднее я сам поставил на этих подмостках «Горячее сердце» Островского, «Бешеные деньги». Более десяти лет этой труппой руководил мой близкий друг и одноклассник Владимир Боголепов, здесь играли мои учителя – те, кто воспитал меня... Словом, этот театр для меня

— не чужой, и я для него, надеюсь, тоже.

— Кого мы увидим в «Тётке Чарлея»?

— Заняты великолепные артисты – Владимир Солопов, Игорь Сидоренко, Татьяна Иванова, замечательная молодёжь – Илья Коврижных, Семён Иванов, Ирина Наумкина, Ольга Старк.

— Художника вы привезли с собой из Москвы?

— Да, над оформлением спектакля работает моя дочь – Надежда Яшина. Её профессиональный почерк, вне наших родственных с нею связей, ярославские зрители уже смогли оценить ранее: Надежда оформляла спектакли «Дурочка», «Ревизор», «Спириты», которые занимали видное место в репертуаре.

— В Москве, где вы уже почти два десятилетия руководите театром драмы имени Гоголя, тоже вместе работаете?

— Не только с нею, но и с женой, которая является в театре имени Гоголя главным художником. Развёл, знаете ли, семейственность...

— Редкая статья в Интернете обходится без шпильки в ваш адрес, дескать, режиссёрский стиль Яшина очень нравятся публике и почти категорически не принимается критикой. Чьё мнение для вас важнее?

— Конечно, зрителей. Хотя, безусловно, грамотная и справедливая критика мобилизует силы и заставляет двигаться дальше. Хвалят ли Яшина, ругают ли – не в этом дело. Беда в том, что ушла когорта блестящих театральных критиков, которая искренне и глубоко любила театр. Сейчас всё – на потребу читателя, и критика зачастую сводится к тому, чтобы хлёстко размазать и облить грязью, а по-

Недавно академик Капица рассуждал о том, что сегодня, как никогда, насаждается учение Дарвина, гласящее, что человек произошёл от обезьяны, материя – первична. А это – величайшая из неправд. Человек создан Богом! Мы же сегодня не живём, а существуем согласно бизнес-плану, а в бизнес-план не входит понятие сострадания, товарищества, любви...

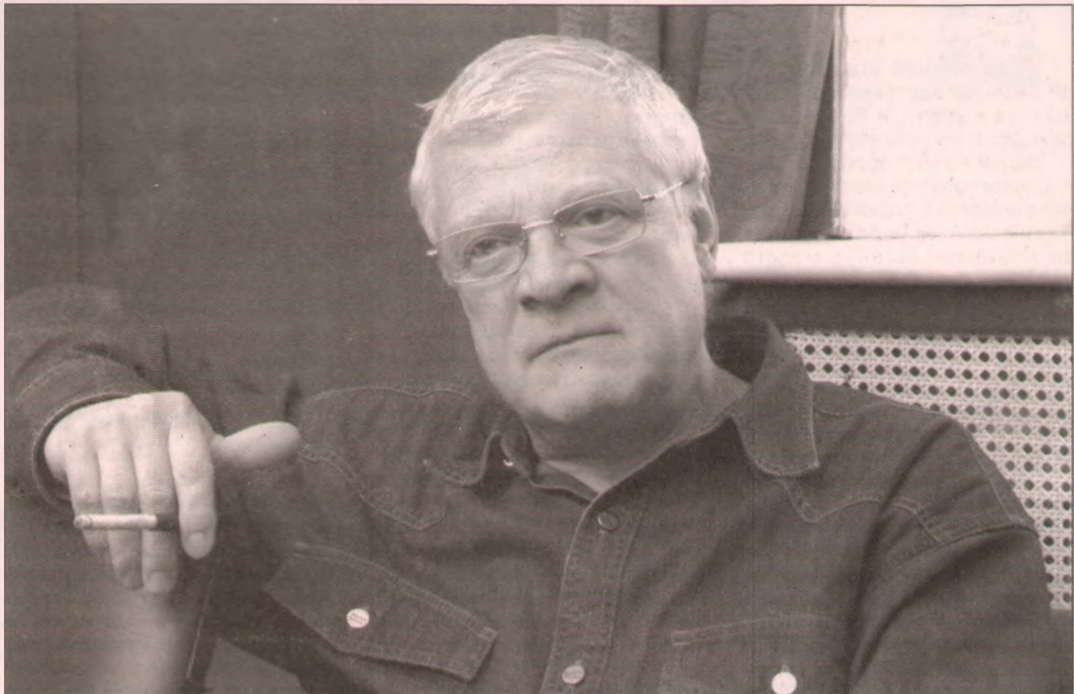
нять, услышать художника – это лишнее. Я, слава богу, прожил в театре долгую жизнь, и меня волнует мнение о моём творчестве лишь высокопрофессиональных людей, все остальные наскоки мне напоминают известную басню про москву, лающую на слона. Нехай клеветят!

— Что сегодня вас волнует как режиссёра, зрителя, просто человека?

— Мы живём в эпоху прагматизма: что мне полезно, то и истинно. Сегодняшняя «правда жизни» заключается в том, что материя первична и мы – активно развивающееся общество потребителей. Вы посмотрите, чем забит телеэфир, заполнены страницы периодики: призывом покупать, обогащаться, наслаждаться, копить или тратить деньги, брать, хватать, иметь, пить, жрать... Недавно академик Капица рассуждал о том, что сегодня, как никогда, насаждается учение Дарвина, гласящее, что человек произошёл от обезьяны, материя – первична. А это – величайшая из неправд. Человек создан Богом! Мы же сегодня не живём, а существуем согласно бизнес-плану, а в бизнес-план не входит понятие сострадания, товарищества, любви...

— Но вы не станете отрицать, что театр тоже подвержен конъюнктуре.

— Правильно, а что ему, бед-

ному, остаётся, если его поставили в графу культурно-зрелищных учреждений, обслуживающих определённые потребности населения? Это ж додуматься надо: театр – учреждение по обслуживанию, как прачечная, баня, ресторан. Театр не может существовать в формате бизнес-планов, потому что искусство вообще, и театр в частности, занимается нравственными категориями, душой человека.

— Всё это так. Но вы – не просто свободный художник, вы долгое время возглавляете крупный репертуарный театр, и хотите вы этого или нет, но вынуждены думать о выживании в современных экономических условиях.

— Ну, во-первых, слава богу, пока есть дотации государства. А, во-вторых, зарабатывать можно по-разному. На что сейчас ходит зритель? На обезьян...

— Простите...
— Можете назвать их звёздами, если хотите. У нас сейчас как? Два-три раза мелькнул на экране, и ты уже звезда, а то и вовсе мегазвезда. Мы же называем их попросту – обезьянами.

На кого в первую очередь пойдёт незвискательный зритель? На артиста, чьё лицо ему знакомо по телесериалам. Вот зачастую и можно услышать за кулисами: у тебя сколько обезьян занято? Три? Шикарно – полный сбор обеспечен.

— Я так понимаю, что вы имеете в виду антрепризу...

— Эти спектакли в большинстве случаев не выдерживают никакой критики, они собраны «на живую нитку», без особых усилий и без затей. Нельзя же, в самом деле, репетировать антрепризный спектакль в течение полугоду – когда же его окупать?

— Но мы-то с вами говорим о репертуарном театре.

— Театр есть отражение жизни, а в ней есть и драма, и трагедия, и комедия, и водевиль. Значит, всё это и нужно включать в репертуар, чтобы зритель мог и плакать, и посмеяться, и подумать о вечном. Только настоящую драматургию, высокопрофессиональное актёрское и режиссёрское мастерство можно противопоставить нашествию попы, которая, как тля, разъедает территорию искусства. Вы посмотрите, что сейчас творится? Звёзды на коньках, под куполом цирка, звёзды поют и танцуют, фабрики по производству звёзд, народных артистов... – полнейшая профанация искусства! Но почему-то никто об этом

не задумывается. Пара месяцев репетиций, и шоу продолжается. Профессионалы отдают тем же конькам или занятию вокалом всю жизнь, присуждение звания народного артиста венчает десятилетия упорного труда, а оказывается, ничего этого не нужно. Путь к вершине гораздо короче, и медийному, раскрученному эфиром лицу дозволено всё. Это сознательное разращение и актёра, и зрителя, и вообще искусства.

— С тех пор как театр имени Волкова осиротел, оставшись в одиночестве без обоих руководителей, именно ваше имя чаще всего звучит в числе гипотетических претендентов на кресло главного режиссёра, и, надо признать, страсти в связи с этим разгораются нешуточные...

— Не я принимаю решения. Театр находится в федеральном подчинении, и решать будет Федеральное агентство по культуре и кинематографии. Я могу сказать только за себя. Почему я принимаю такое участие в жизни театра? Это мой родной дом, и такое понятие, как память сердца, благодарность за всё, сделанное для меня в этих стенах, – не пустой звук. У меня есть определённые душевные обязательства перед театром имени Волкова, и не в моих правилах не возвращать долги. Буду ли я ставить здесь спектакли в качестве очередного режиссёра или курировать творческую программу театра, стану ли художественным руководителем – не мне решать. Посмотрим, как будет складываться жизнь.

— Возможна ли ситуация, при которой вы будете одновременно художественным руководителем и столичного театра имени Гоголя, и ярославского Волковского театра?

— Такая ситуация возможна, и практика таких творческих совмещений достаточно известна. Олег Табаков, например, руководит двумя театрами, Сергей Арцибашев...

— Но, насколько мне известно, им не приходится разрывать связь между двумя городами.

— Адольф Шапиро успешно руководит ТЮЗами в Санкт-Петербурге и Самаре, Валерий Фокин курирует и Центр Мейерхольда в Москве, и Александринку в Питере... Словом, практика известна. Это может быть связано с тем, что ушло целое поколение мастеров режиссуры и не так многолюден кадровый корпус претендентов на должность руководителя театра. А ведь начальству хочется стабильности...

— Не только начальству (в данном контексте – Федеральному агентству), но и самому театру!

— И ему тоже. Вопрос решается, и для меня не новость, что к моей кандидатуре относятся не-

однозначно. Любой новый человек на руководящей должности воспринимается именно так, иначе и быть не может.

— Вы – жёсткий руководитель?

— Нельзя театром руководить не жёстко. Это – добровольная диктатура (я имею в виду ситуацию в театре имени Гоголя). Главное профессиональное качество режиссёра и художественного руководителя – наличие творческой воли, а это понятие автоматически программирует достаточно жёсткое существование. Это как в семье: кто-то должен быть старшим и брать на себя ответственность за всё, что происходит.

— Как вы относитесь к актёрским халтурам? Ведь актёры столичных театров чаще провинциальных коллег принимают участие в антрепризах, снимаются в сериалах...

— Я как руководитель не могу заставить актёра жить исключительно на театральное жалование, положенное ему по штатному расписанию. Но обо всём можно договориться по-человечески. У нас нет жёстких контрактов, как на Западе: если по твоей вине отменили спектакль – плати неустойку, но и ты будь любезен о своём возможном отсутствии предупредить заранее, чтобы утратить репертуар, поставить замену и так далее.

— До недавнего времени по уставу Волковского театра первым должностным лицом был директор. Однако я слышала, что конкретно под вашу кандидатуру в Федеральном агентстве даже устав согласны переписать (если уже не переписали), согласно которому главным становится художественный руководитель. Это – правда?

— Среди имеющихся планов и проектов есть и такой, но пока приказ не подписан, говорить об этом рано. Хотя я эту информацию не опровергаю, давайте не будем гадать на кофейной гуще.

— И всё-таки простите за назойливость: если вам поступит такое предложение, вы примете его?

— Повторюсь: не говори гоп, пока не перепрыгнешь... Вот я сейчас отвечаю «да, приму» и нарушу приказ на вполне справедливую «оплеуху»: здравствуйте, пожалуйста, ему никто ничего не предлагал, а он уже соглашается налево-направо... Безвременный уход из жизни двух руководителей театра я воспринимаю как личную боль, всё происходящее с этим театром – это и моя беда тоже. Я искренне и бескорыстно готов подставить плечо в трудную минуту, потому что кто, если не я? Что касается всего остального, то хочется вспомнить слова русского поэта Михаила Кузмина «случится всё, что предназначено, вожатый нас ведёт».

Лариса ДРАЧ.